

[1] - Рассказ впервые опубликован в 1926 году и несколько месяцев спустя вошел в сборник "Дебет и кредит". - Здесь и далее прим. пер. и ред.

ДО СРОКА

Не было в жизни ничто сделано человеком
Для себя самого, но явлено после, в веках
Забытых, как имя этого мастера,

Того, который гнет и презрение принял в уплату...
Ненависть, злость, отчуждение каждодневно...
Покуда он не погиб, униженный и укрощенный.

Но более чем о нем, следует сожалеть
О мудрых душах, постигших опасность
До срока пришедших Искусств и Познаний,
Отвергших лекарства и механизмы,
Опасаясь печальных последствий.

Небом назначенный Час отложить невозможно,
Как и ускорить, пусть даже ценою души или мира,
И родится Пророк его через кровь впереди идущих,
Решивших - о, слишком рано! - что он уже пробил.

Кантор монастыря Св. Иллода был слишком страстным поклонником музыки, чтобы заботиться еще и о библиотеке, зато его помощник свято соблюдал все устои и правила работы - после двух часов, посвященных письму и диктовке, он принялся наводить порядок в Скриптории. Монахи-переписчики отдавали ему листы канонического Четвероевангелия, которое заказал аббат Ившема, и один за другим тянулись на вечерню. Джон Отто, более известный как Иоанн Бургосский, не обратил на это никакого внимания. Он выводил золотом тонкий орнамент миниатюры, изображающей Благовещение, на странице Евангелия от Луки, которое, как многие надеялись, потом соблаговолит принять в дар папский легат, кардинал Фалькоди [2].

[2] - Будущий папа Клемент IV. Его упоминание позволяет датировать действие рассказа 1264-1266 годами.

- Заканчивай, Иоанн, - вполголоса произнес помощник кантора.
- Что? Уже все ушли? А я и не заметил. Погоди минуту, Клемент.

Помощник кантора терпеливо ждал. Он знал Джона уже более двенадцати лет: тот приходил и уходил из монастыря, но в своих странствиях всегда говорил, что он из Св. Иллода. Ему это охотно позволяли, поскольку он - даже в большей степени, чем все остальные Фитц Отто - нес все Искусства в рукаве и все секреты мастерства под капюшоном.

Помощник кантора взглянул ему за плечо - на приколотый к столешнице лист, где первые слова "Магнификата" [3] были выведены золотом и окрашены красным шеллаком на фоне едва не пылающего нимба Богородицы. Она была изображена с руками, сомкнутыми в изумлении, обрамленная бесконечно сложным сплетением арабесок, по краю же миниатюры тонкие побеги апельсинового цвета словно бы